

ДМИТРИЙ КРУПАН

ЛЮБОВНИЦА

Дмитрий Крупан

Любовница

«Автор»

2026

Крупан Д.

Любовница / Д. Крупан — «Автор», 2026

Образцовый офицер Северного флота Сергей Крупанов совершает непоправимое и решает спрятать правду в ледяной бездне Баренцева моря. Уводя боевой фрегат в штормовой поход, он надеется, что толща воды и корабельная броня спасут его безупречную репутацию. Но океан не хранит чужих тайн. В замкнутом пространстве боевого судна Сергею предстоит узнать: от правосудия можно сбежать, но то, что брошено на дно, вернется за расплатой.

© Крупан Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Преступление. Глава 1. Последняя встреча	6
Глава 2. Не сейчас	11
Глава 3. Семья	15
Глава 4. На борту	20
Глава 5. Глубина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Крупан

Любовница

Название: Любовница

Автор(-ы): Дмитрий Крупан

Ссылка: <https://author.today/work/656401>

Часть 1. Преступление. Глава 1. Последняя встреча

Дождь смывал с лобового стекла остатки осенней пыли, размазывая свет редких фонарей в мутные желтоватые полосы. Дворники скрипели на каждом втором взмахе: резинки давно пора было сменить, но на прошлой неделе Сергей так и не выбрался на авторынок — в бригаде шли предподходовые проверки, из штаба флота то и дело спускали новые графики, а вчера до полуночи пришлось перепроверять запасы топлива и пресной воды.

Он заглушил двигатель у дома номер двенадцать. Во дворе пахло сырой прелой листвой, сыростью из подвалов и близким морем — этим въедливым, тяжелым духом мазута и водорослей, от которого в городе не спасали даже закрытые стеклопакеты.

Сергей посидел минуту в темноте, не выключая фар, глядя на второй этаж. В двух окнах горел приглушенный желтый свет. Кухня и комната. Значит, дома, ждет.

В бардачке лежала плитка горького шоколада, купленная еще утром на заправке, — обертка слегка помялась, но Сергей все равно сунул ее в карман кителя. На заднем сиденье лежала форменная фуражка в чехле и пухлый портфель с документацией, которую следовало занести на борт до семи утра. Завтра в десять — съемка со швартовов. Фрегат уходил на три недели, и этот последний вечер Сергей выкраивал с трудом, с точностью до четверти часа. Светлане он сказал, что останется на ночь в офицерском общежитии при штабе, чтобы не мотаться через мост на рассвете. Жена даже не подняла глаз от гладильной доски: просто кивнула, отставила утюг и сухо напомнила, чтобы он не забыл положить в сумку шерстяное белье.

Светлана давно перестала задавать лишние вопросы. Иногда Сергею казалось, что это величайшее удобство их брака, но чаще от этой тишины становилось не по себе — так бывает в пустом отсеке, где отключена вентиляция и слышно только, как остывает металл переборок.

Он поднялся на второй этаж, стараясь не звенеть связкой ключей. Замок поддался мягко. В прихожей было сумрачно: горела только маленькая бра в форме ракушки, которую Надя привезла когда-то из своей первой студенческой поездки на Кавказ.

— Надь? — негромко позвал он, вешая куртку.

На вешалке висело только ее серое пальто. Но внизу, у самого обувного шкафчика, Сергей сразу наткнулся взглядом на непривычный предмет: на полу стояла большая дорожная сумка из темного брезента с кожаными ремнями и объемистый картонный ящик, аккуратно заклеенный полосами коричневого скотча. На ящике черным маркером было четко выведено: «Материалы. Лак, грунт, пигменты».

Сергей нахмурился, стянул ботинки и прошел на кухню.

Надя стояла у плиты спиной к нему. На ней был старый свитер крупной вязки — темно-синий, с вытянутыми рукавами, которые она всегда подворачивала, когда работала, — и свободные полотняные брюки. Волосы, густые и тяжелые, были небрежно закручены в узел на затылке и заколоты обычной деревянной палочкой для суши. Эта нелепая палочка вместо шпильки когда-то казалась ему ужасно трогательной.

— Привет, — сказал он, подходя ближе. Он положил руки ей на плечи, привычным жестом наклонился, чтобы коснуться губами шеи чуть ниже мочки уха — там, где кожа всегда пахла миндальным мылом и сухим теплом.

Надя не вздрогнула, но плечи под его пальцами окаменели. Она плавно, без суеты шагнула в сторону к разделочному столу, и руки Сергея соскользнули в пустоту.

— Ты поздно, — сказала она. Голос был ровным, без привычной хрипловатой теплоты, которую Сергей привык слышать в первые минуты после долгой разлуки. — Я думала, тебя уже не отпустят.

— Удалось вырваться. Лебедев остался дежурить, так что у меня есть время до пяти утра. Он достал из кармана шоколад и положил на край стола.

Стол был непривычно пуст. Ни кистей в стеклянной банке с растворителем, ни стопок реставрационных отчетов, ни крошечных керамических ступок, в которых Надя растирала минеральные порошки. На подоконнике больше не стоял фикус в глиняном горшке — остался только белесый след от поддона на выцветшей краске.

— Чайник только что вскипел, — сказала Надя, не глядя на шоколад. — Будешь?

— Надя, что это за коробки в коридоре? — Сергей сел на табурет, чувствуя, как внутри начинает подниматься знакомое глухое раздражение. Он устал, спина после двенадцати часов на ногах ныла, в висках пульсировала тяжесть, а вместо отдыха начиналось что-то невнятное. — Опять мастерская переезжает? Я же говорил тебе: скажи своему Пахомову, пусть наймет грузчиков, а не заставляет вас таскать барахло по лестницам.

Она налила кипяток в большую кружку. Никакого заварочного чайника — просто паке-тик, упавший на дно с глухим шелестом.

— Пахомов здесь ни при чем, — ответила Надя. Она повернулась к нему, прислонившись бедром к кухонному гарнитуру, и скрестила руки на груди. — Мастерская остается на месте. Уезжаю я.

Сергей усмехнулся. Вышло немного натянуто.

— Куда это? На курсы в Питер? Ты же говорила, что набор только весной.

— В Вологду, Серёжа. На постоянную работу. В филиал научно-реставрационного центра. Мне утвердили ставку, дают комнату в ведомственном доме. Завтра в три часа дня у меня поезд.

Она произнесла это буднично, словно перечисляла список покупок. Ни слез, ни дрожи в голосе, ни упрека. Именно это спокойствие полоснуло Сергея сильнее, чем любая истерика. За три года их встреч Надя плакала лишь дважды: первый раз, когда тяжело заболела ее мать, и второй — прошлой зимой, когда Сергей в очередной раз пообещал, что после майских праздников обязательно снимет отдельную квартиру и поговорит со Светланой начистоту. Май прошел, наступил август, потом октябрь. Разговора не случилось.

— Какая еще Вологда? — Сергей подался вперед, положив тяжелые кулаки на клеенку стола. — О чем ты говоришь вообще? Мы же договаривались: я возвращаюсь из этого похода, закрываю квартальный отчет, получаю распределение по выслуге, и мы...

— Мы ничего не договаривались, — мягко перебила она. В ее темных глазах не было зло-сти — только бесконечная, выжженная пустота. — Договаривался ты сам с собой. Ты три года кормишь меня этими походами, отчетами, учениями. Сначала надо было подождать, пока Илья сдаст ОГЭ. Потом — пока Светлане сделают операцию на связках. Потом у тебя на корабле сорвало редуктор, и тебя могли снять с должности, если бы пошли слухи о разводе.

— Надя, это служба! — повысил голос Сергей. — Ты прекрасно знаешь, как у нас смотрят на моральный облик. Одно неверное движение — и меня сошлют в штабную канцелярию перекладывать бумажки до пенсии! Я не могу просто прийти и швырнуть рапорт на стол!

— А я не прошу тебя швырять рапорт, — сказала она тихо. — Я больше вообще ничего у тебя не прошу. Всё, Серёж. Закончилось.

Она подошла к окну, отодвинула край короткой занавески. На улице хлестал холодный дождь. В черном стекле двоилось ее бледное, осунувшееся лицо с тонкими губами и кругами под глазами.

Сергей встал. Он был на голову выше ее, шире в плечах, привыкший к тому, что в замкну-том пространстве каюты или ходовой рубки его присутствие подчиняет себе всё вокруг. Здесь, на крошечной шестиметровой кухне хрущевки, он всегда казался себе слишком большим, но раньше это рождало ощущение силы и защиты. Сейчас он чувствовал себя неуклюжим и застигнутым врасплох.

— Значит, за моей спиной? — процедил он, подходя к ней вплотную. — Пока я сутками торчал на причале, ты втихаря собирала вещи? Нашла куда сбежать?

— Я не сбегаяю. Я уезжаю жить своей жизнью. Пока она у меня еще осталась.

— Какая, к черту, Вологда?! Что ты там забыла? Сырость, глушь, три полуразвалившихся монастыря! Ты здесь ведешь главные заказы музея!

— Здесь я любовница женатого офицера, — четко, раздельно произнесла Надя, глядя ему прямо в переносицу. — Женщина, к которой приходят по расписанию, оглядываясь по сторонам у подъезда. Женщина, которой нельзя позвонить в выходной. Которая празднует Новый год первого января в три часа дня, потому что в новогоднюю ночь у тебя семейный ужин. Мне тридцать два года, Сережа. Я устала сидеть на запасном пути и ждать, когда у твоего поезда освободится расписание.

— Прекрати, — глухо сказал он. В горле пересохло. — Ты же знаешь, я люблю тебя. Со Светланой нас ничего не связывает, кроме Ильи и этой проклятой квартиры, которую мы не можем разменять!

— Знаю, — кивнула Надя, и в уголках ее губ впервые мелькнула горькая, почти жалостливая усмешка. — Ты говоришь это каждый раз. И каждый раз я верю. А потом ты надеваешь фуражку, целуешь меня в щеку и уходишь туда, где у тебя настоящая жизнь. С сыном, с дачей, с законной женой, с уважением сослуживцев. А мне остаются пустые кружки и обещания. Больше не хочу. Билет в сумке. Ключи от этой квартиры я завтра утром отдаю хозяйке.

Сергей протянул руку, пытаясь обнять ее за талию, притянуть к себе, сломать это чужое, деревянное оцепенение, вернуть ту Надю, которая плакала у него на плече, зарываясь носом в воротник кителя.

— Наденька... Послушай меня. Давай не сейчас. Через три недели я вернусь. Я клянусь тебе: сразу после похода я подаю на развод. Плевать на штаб, плевать на квартиру. Мы снимем жилье в центре, ты перевезешь все свои картины...

— Не трогай меня, — она резко отшатнулась, уперевшись спиной в подоконник. Деревянная палочка выскользнула из волос, и темная тяжелая прядь упала ей на лицо. — Хватит врать. Ты никуда не уйдешь. Ты трус, Сережа. На мостике своего корабля ты герой и командир, а в жизни — обыкновенный трус, который боится даже собственного сына.

Слово ударило его, как пощечина. В висках застучала горячая кровь. «Трус». Ни один человек за двадцать лет службы не смел сказать ему это в лицо. Ни один адмирал, ни один проверяющий.

— Замолчи, — процедил он сквозь зубы.

— Не замолчу! — впервые за весь вечер Надя сорвалась на крик. Ее щеки вспыхнули лихорадочным румянцем. — Уходи отсюда! Слышишь? Уходи прямо сейчас! К своей Свете, к своему сыну, к своему кораблю! Оставь меня в покое!

Она рванулась мимо него к выходу из кухни.

Сергей среагировал машинально — так, как реагировал на внештатные ситуации на ходовом: перехватить, остановить, заблокировать. Он шагнул в узкий проем, перерезая ей дорогу, и схватил ее за руку выше локтя. Пальцы сжались на тонкой руке железным кольцом.

— Пусти! — Надя попыталась выдернуть руку, но он держал намертво. — Пусти, мне больно!

— Ты никуда завтра не поедешь! — прорычал Сергей, теряя контроль над собой. Перед глазами стояла красная пелена. Унижение, усталость, страх потерять ее и ярость от собственного бессилия смешались в слепой, удушливый ком. — Ты останешься здесь и дождеешься меня! Ты слышишь?!

— Да пошел ты к черту! — крикнула она и изо всех сил ударила его свободной ладонью по лицу.

Удар пришелся по скуле. Не столько больно, сколько ошеломляюще. Сергей отшатнулся от неожиданности, и в ту же секунду его правая рука — тяжелая, тренированная рука офицера

— пошла вперед наотмашь, толкая ее в грудь, чтобы отшвырнуть, поставить на место, заставить замолчать.

Он не рассчитал силу. Он никогда не бил женщин, он вообще не хотел бить — это был слепой, животный жест раздражения, короткий толчок ладонью в плечо и грудь.

Но Надя не удержалась на ногах. В узком коридоре, загроможденном коробками, ее нога зацепилась за край брезентовой дорожной сумки. Она нелепо, неловко взмахнула руками, пытаясь ухватиться за стену, но пальцы лишь скрежетнули по гладким обоям.

Ее развернуло боком.

Падение длилось какую-то долю секунды, но Сергею показалось, что время растянулось в густую смолу. Он видел, как запрокинулась ее голова, как рассыпались по плечам темные волосы, как расширились в немом испуге зрачки.

Угол дубовой тумбы для обуви — массивной, старой, с железной фигурной оковкой по углам — принял ее затылок с глухим, коротким звуком, похожим на хруст раскалываемого сухого ореха.

Надя осела на пол. Медленно, словно у нее внезапно подкосились колени, сползла по дверце тумбы и завалилась на правый бок. Ее ноги остались лежать на брезентовой сумке, а лицо уткнулось в ворс старого прихожего половика.

В квартире стало оглушительно тихо.

Только за тонкой межквартирной перегородкой монотонно бормотал чужой телевизор: диктор новостей зачитывал прогноз погоды на предстоящую неделю, обещая штормовое предупреждение по северным морям.

Сергей замер, тяжело дыша. Ладонь все еще горела от толчка.

— Надя? — позвал он. Собственный голос показался ему хриплым и чужим.

Она не шевелилась.

— Надь, брось... Перестань. Вставай.

Он сделал два шага, опустился на одно колено рядом с ней.

— Надя!

Он тронул ее за плечо. Тело было податливым, мягким, но абсолютно безвольным. Сергей осторожно потянул ее за свитер, переворачивая на спину. Ее голова неестественно запрокинулась вбок. Глаза были полуоткрыты — мутные, подернутые белесой поволокой, они смотрели куда-то мимо него, в угол потолка, где отслаивался кусок побелки.

— Надя...

Сергей сунул пальцы под ворот свитера, нащупывая сонную артерию на шее. Кожа была еще горячей от недавнего крика и спора, но под пальцами не было пульса. Только его собственное сердце колотилось в кончиках пальцев так, что сбивало с толку. Он передвинул пальцы чуть выше, к челюсти. Надавил сильнее.

Ничего.

Он отдернул руку и посмотрел на свои пальцы. На подушечках блестела густая, темная кровь.

Сергей заглянул за ее голову. На железной оковке тумбочки темнело влажное пятно. Под волосами Нади, на половике, уже расплывалась тяжелая лужа — медленно, жадно впитываясь в пыльную шерсть.

Его прошиб ледяной пот. Моментально, от затылка до поясницы, рубашка прилипла к телу.

— Нет... Нет, нет, нет... — забормотал он, хватая ее за запястье. — Надя, дыши! Дыши!

Он прижался ухом к ее груди. Внутри свитера было тихо. Ни удара. Ни единого вдоха. Губы ее начали стремительно терять цвет, становясь пепельно-серыми.

Убийство.

Слово вспыхнуло в мозгу ослепительной, белой вспышкой, от которой заломило зубы.

Капитан второго ранга. Командир боевого корабля. Убийца.

Сергей отшатнулся, ударившись спиной о входную дверь. Дверная ручка больно впилась под лопатку, но он едва почувствовал это. В глазах потемнело. Перед мысленным взором с чудовищной отчетливостью понеслись картины: комендатура, военная прокуратура, наручники, сорванные погоны, лицо сына — белое, с перекошенным от ужаса ртом, глаза Светланы, глухой шепот соседей по гарнизону, трибунал. Десять лет. Двенадцать. Строгий режим.

«Я не хотел, — забила в висках паническая мысль. — Это случайность. Она споткнулась. Я просто толкнул ее... Это несчастный случай!»

Но угол тумбы был залит кровью. На его руках была ее кровь. А в ее кармане лежал билет, доказывающий, что она хотела уехать, что между ними была ссора, что он пришел сюда ночью, накануне боевого похода...

Никто не поверит в случайность. Ни один следователь. Скажут: приревновал, не пустил, ударил.

Сергей судорожно полез в карман брюк, пальцы нащупали гладкий корпус смартфона.

«Скорая».

Надо набрать 112. Прямо сейчас. Бригада может успеть. Вдруг это глубокий обморок? Вдруг клиническая смерть, и ее еще можно запустить дефибриллятором? Есть же правило пяти минут, десяти минут... Если вызвать сейчас, если честно сказать диспетчеру: упала, ударилась головой, без сознания...

Он вытащил телефон. Экран вспыхнул ядовитым светом, ослепляя.

Палец завис над зеленой кнопкой вызова экстренных служб.

Сергей посмотрел на лежащую у его ног женщину.

Она была мертва. Он видел мертвых людей — во время аварии на плавмастерской пять лет назад, когда разорвало паропровод высокого давления. Мертвые не выглядят спящими. Они выглядят пустыми. Из Нади ушло всё: свет, тепло, ее упрямство, ее тихий голос, запах ее миндального мыла. Осталась только оболочка, застывающая на грязном половике.

Если он нажмет вызов — его жизнь закончится в эту же секунду. Через двадцать минут вой сирен разбудит весь дом. По лестнице поднимутся санитары и наряд полиции. Утром об этом будет знать командир дивизии. Фрегат уйдет в море под командованием старпома Лебедева. А он останется в камере предварительного заключения.

Телефон в руке слабо завибрировал.

Сергей вздрогнул всем телом, едва не выронив аппарат.

На экране высветилось сообщение от сына:

«Пап, ты ключи от гаража забрал? Мне велик надо до дождя завезти. Ты когда вернешься?»

Палец Сергея задрожал. Он медленно опустил телефон, глядя на темнеющее пятно под головой Нади.

Помощь еще можно было вызвать. Телефон работал. Связь была устойчивой. Нужно было только нажать три цифры.

Сергей затаил дыхание, слушая, как за окном хлещет ледяной дождь, а за стеной продолжается чужая, спокойная, не знающая о катастрофе жизнь.

Глава 2. Не сейчас

Тишина в прихожей не была пустой. Она давила на барабанные перепонки тяжелым, плотным гулом, в котором Сергею чудился шум набегающей волны.

Он стоял на коленях, упершись кулаками в ворсистый половик. Колени затекли, сквозь форменные брюки проступала липкая влага. Он не смотрел вниз, но боковым зрением отчетливо видел край ее синего свитера, светлую полоску обнажившейся на поясище кожи и неподвижную ступню в сером носке.

«Встань, — приказал он себе командирским, привычным к повиновению голосом. — Встань и проверь».

Он заставил себя наклониться. Воздух возле лица Нади казался неподвижным и холодным, хотя в квартире работали батареи. Сергей поднес ладонь к ее полукрытым губам. Ничего. Ни малейшего движения, ни теплого дуновения. Он достал телефон, вытер экран о рукав и поднес стеклянную поверхность к ее рту, как учили когда-то на курсах спасательной подготовки. Стекло осталось абсолютно чистым, без единого белесого пятнышка испарины.

— Надя, — позвал он шепотом.

Собственный голос прозвучал сипло, по-нищенски.

Сергей положил ладони ей на грудь — туда, где под плотной вязкой шерсти должно было биться сердце. Он помнил порядок: тридцать нажатий, два вдоха, глубина продавливания пять сантиметров. В теории всё было просто, на манекене в учебном центре всё получалось с первого раза под мерный счет инструктора.

Он нажал. Под ладонями хрустнуло — сухо, страшно, словно внутри лопнула тонкая деревянная планка.

Сергей отдернул руки, будто обжегся о раскаленный металл.

Ее голова при толчке безжизненно мотнулась в сторону, обнажая затылок. Кровь больше не текла толчками — она медленно, густо сочилась сквозь спутанные пряди, образуя темный лаковый блин на полу. Черты лица начали меняться прямо на глазах: нос заострился, кожа вокруг сомкнутых век приобрела синеватый, восковой оттенок. Это было лицо чужого человека. Оболочка, из которой вынули всё, что делало ее Надей: ее насмешливые взгляды, запах миндального крема, вечные споры об искусстве, ее живое тепло.

Она не была без сознания. Она была мертва.

Сергей опустил на пятки. Дыхание перехватило, в висках заломило от ледяной дурноты. Желудок свело судорогой, к горлу подкатила кислая тошнота.

В кармане снова задрожал телефон.

Звук вибромотора на деревянном полу прозвучал как треск автоматной очереди. Сергей судорожно выхватил аппарат.

На экране светилась фамилия: «Лебедев. Старпом».

Пальцы отказывались слушаться, оставляя на темном стекле мутные бурые мазки. Сергей провел по экрану, едва не выронив трубку, и поднес ее к уху.

— Да, Андрей, — сказал он.

Голос сорвался на первой гласной, и Сергей тут же откашлялся, пытаясь придать связкам металлическую, привычную твердость:

— Слушаю, Лебедев.

— Товарищ командир, прошу прощения за поздний звонок, — бодрый, деловой голос старпома ворвался в мертвую квартиру, как сквозняк через выбитый иллюминатор. — С топливозаправщика закончили прием. Приняли сто двадцать тонн, плотность в норме, осадков нет. Но тут из штаба дивизии дежурный передал: завтра выход смещают на ноль восемьсот. Комбриг хочет лично присутствовать на съемке со швартовов.

Сергей смотрел на неподвижную руку Нади. Тонкие пальцы, обломанный ноготь с белой краской. Вчера эти пальцы гладили его по щеке.

— Товарищ командир? Вы на связи? — в голосе Лебедева промелькнуло секундное замешательство.

— Да, — выдавил Сергей, упираясь свободной рукой в угол стены, чтобы удержать равновесие. — На связи. Принято, Андрей. Ноль восемьсот. Передай механику, чтобы прогрев главных начали на час раньше.

— Есть на час раньше. Вы в общежитии? Документы из канцелярии к вам занести или до утра потерпит?

— До утра, — чересчур резко бросил Сергей. — Я... на выезде. Проверяю береговые склады. Буду на борту к четырем.

— Понял вас. Доброй ночи.

Связь оборвалась.

Сергей опустил руку с телефоном. Экран погас, отразив искаженное ужасом мужское лицо с темными провалами глаз.

«Я на выезде. Проверяю склады».

Первая ложь сорвалась с языка сама собой, без подготовки, продиктованная слепым инстинктом самосохранения. Он солгал своему старпому, с которым прослужил четыре года, которому доверял корабль во время штормовых вахт.

Но выбора не было. Выбора уже не существовало.

Сергей разблокировал телефон и открыл клавиатуру набора номера.

Пальцы зависли над цифрами: 1... 1... 2...

Оставалось нажать зеленую трубку.

«Что ты им скажешь? — застучала в голове беспощадная, трезвая мысль. — Что ты скажешь диспетчеру? “Приезжайте, здесь труп”? А когда придет полиция? Что ты напишешь в объяснительной?»

Он закрыл глаза, и перед внутренним взором мгновенно выстроилась цепочка событий, неотвратимая, как ход якорной цепи.

Приедет следственно-оперативная группа. Эксперт посветит фонариком, зафиксирует положение тела, измерит температуру, снимет отпечатки. Они увидят синяки на ее предплечье — багровые следы его пальцев, которые он оставил, когда хватал ее на кухне. Они найдут ее разорванный билет в Вологду. Найдут соседку за стеной, которая слышала крики: «Уходи! Оставь меня в покое!»

Следователь военной прокуратуры не станет разбираться в полутонах. Картина преступления будет безупречной, классической, грязной: женатый капитан второго ранга пришел к молодой любовнице, та заявила, что бросает его и уезжает, возникла ссора на почве ревности, офицер применил физическую силу, нанес смертельный удар.

Статья 105, часть первая. От шести до пятнадцати лет.

Лишение воинского звания. Позорное увольнение со службы без пенсии и выходного пособия. Фрегат уйдет в море завтра утром с другим командиром, а имя Сергея вычеркнут из списков части до полудня.

«А Илья?» — мысль обожгла, как раскаленный осколок.

Илья, который через полгода должен был подавать документы в Высшее военно-морское училище имени Нахимова. Сын командира корабля, гордившийся отцовскими кортиком и планками на парадном мундире. Спецпроверка ФСБ при поступлении. Клеймо: «Отец судим за умышленное убийство». Крест на карьере, крест на офицерской династии, крест на всей будущей жизни мальчика.

А Светлана? Как она переживет этот позор в гарнизоне, где каждый знает друг друга в лицо, где новости разлетаются за час? Ее жалостливые взгляды подруг, перешептывания за спиной в штабном магазине: «Слышала? Крупанов-то свою девку пришил...»

— Я не хотел, — прошептал Сергей в темноту прихожей. Голос дрожал. — Я не хотел ее убивать. Это несчастный случай. Она сама оступилась. Она ударила меня первой...

Слова падали в тишину и казались жалкими, трусливыми, чужими. Они не могли воскресить лежащую на полу женщину. Они не могли стереть кровь с плинтуса.

Ни один суд в мире не поверит в несчастный случай, если на теле жертвы остались следы борьбы, а в квартире разгром. Для закона он был убийцей.

Палец нажал кнопку сброса. Цифры 112 исчезли с экрана.

«Не сейчас, — подумал Сергей, и от этой мысли внутри всё похолодело, словно в трюм хлынула ледяная забортная вода. — Нельзя вызывать сейчас. Если я сдамся — я уничтожу всех. Себя, сына, семью. Из-за одной нелепой, проклятой секунды».

Он поднялся на ноги. Колени мелко дрожали, но тупая паника начала уступать место холодному, расчетливому отчаянию. Так бывало в аварийных ситуациях на ходовом мостике: когда вспыхивает табло пожарной тревоги, нет времени на страх — нужно задраивать переборки и пускать фреон, даже если в горящем отсеке остались люди.

Надо было выиграть время.

Сергей прошел в ванную комнату. Зажег свет. Люминесцентная лампа над зеркалом мигнула дважды с сухим треском и залила тесное помещение мертвенным белым сиянием.

Из зеркала на него смотрел незнакомец: посеревшее лицо, взъерошенные волосы, расширенные зрачки и тонкая царапина на правой скуле — след от Надиного ногтя. На воротнике форменной рубашки темнело пятнышко крови размером с копеечную монету.

Сергей открыл кран. Вода пошла ржавая, с металлическим запахом старых труб. Он жадно зачерпнул ледяную струю в ладони, плеснул в лицо раз, другой, третий. Зубы застучали от холода, но мутная пелена перед глазами немного рассеялась.

Он тщательно вымыл руки с мылом, оттирая грязь и засохшую кровь из-под ногтей жесткой щеткой, которая лежала на краю раковины. Мыльная пена окрасилась в грязно-розовый цвет и с тихим всхлипом ушла в слив.

«Думай, — приказал он себе, вытирая лицо старым махровым полотенцем. — Думай как командир. Что мы имеем? Тело здесь. Никто не знает, что я приходил. Машину я оставил во дворе, но номеров под фонарем не видно, шел дождь. Соседи снизу — глухая старуха, за стеной работал телевизор. Если тело найдут завтра...»

Завтра в восемь утра фрегат снимется со швартовов и выйдет в Баренцево море на три недели. В нейтральных водах связи нет. Никаких допросов, никаких повесток. Но если ее найдут завтра — начнется следствие, вскроют переписку, поднимут биллинги сотовых вышек...

«Ее не должны найти завтра».

Сергей вернулся в прихожую, старательно глядя только под ноги, чтобы не встречаться взглядом с остекленевшими глазами Нади.

На тумбочке рядом с разбитой вазочкой лежала ее связка ключей. Два обычных английских ключа и один плоский, от домофона. Сергей взял их. Металл обжег пальцы холодом.

Он достал из кармана брюк собственный ключ с желтым пластиковым колпачком — тот самый, который Надя требовала вернуть полчаса назад. Теперь возвращать было некому.

Экран его телефона снова засветился. Без звука, на беззвучном режиме.

Входящий вызов: «Светлана».

Сергей сглотнул вязкую слюну, выждал три гудка, нажимая пальцами на переносицу, чтобы унять дрожь в голосе, и принял вызов.

— Да, Света.

— Серёжа, ты где? — голос жены звучал устало, с привычной домашней монотонностью. На заднем плане тихо работал телевизор — шел какой-то сериал, точно так же, как за стенкой у чужих людей. — Илья спрашивал про велосипед. Ты обещал помочь ему спустить колеса и смазать цепь перед зимой.

— Света, я не приеду, — сказал Сергей, глядя на темнеющее пятно на полу в метре от своих ботинок. Голос звучал ровно, почти безупречно — годы службы выработали в нем эту страшную способность говорить спокойно, когда внутри всё рушилось. — Выход перенесли на восемь утра. Комбриг устраивает строевой смотр перед съемкой. Я ночью на корабле, сейчас на причале, принимаем последние грузы.

— Понятно, — в трубке послышался вздох. Не удивленный, не расстроенный — привычный. — Вечно у вас всё в последний момент. Ты хоть поел?

— Поел в кают-компании. Не ждите меня. Ложитесь спать. Илье скажи, чтобы велосипедом занялся сам, он уже взрослый парень.

— Ладно. Береги себя там. Шторм передают на завтра.

— Знаю. Всё, Света, мне некогда, старпом идет с докладом.

Он сбросил вызов и опустил руку.

Вторая ложь. Легкая, гладкая, упавшая на подготовленную почву двадцатилетнего брака, в котором давно не было места подозрениям — потому что не осталось интереса.

Сергей огляделся.

Надо уходить. Каждая минута, проведенная здесь, увеличивала риск. Кто-то мог выйти покурить на лестничную площадку, кто-то мог выглянуть в окно и заметить его машину.

Он подошел к вешалке, снял свою куртку. Надел, застегнул молнию до самого подбородка, пряча испачканный воротник рубашки. Тщательно проверил карманы: служебное удостоверение, пропуск в базу, ключи от машины, телефон. Всё на месте.

На полу рядом с Надиной рукой лежал ее сумочка — мягкая, из потертой коричневой кожи. Сергей присел, стараясь не касаться ее одежды, расстегнул замок. Внутри лежал студенческий проездной, кошелек, паспорт и тонкий телефон в прозрачном силиконовом чехле.

Он на секунду заколебался, потом вытащил ее телефон. Оставлять его здесь было нельзя. Если начнут звонить родственники или коллеги — звук вызова привлечет соседей. Телефон нужно было отключить или...

Внезапно экран в его руке коротко вспыхнул и завибрировал.

Сергей замер, не дыша.

На заблокированном дисплее Надиного телефона, поверх фотографии — летнего снимка, где она стояла под соснами на берегу залива и щурилась от солнца, — всплыло уведомление из мессенджера.

Имя отправителя: «Марина реставрация».

Текст сообщения состоял из одной короткой строчки:

«Ну что, поговорили? Он тебя отпустил?»

Сергей смотрел на эти светящиеся буквы, не в силах оторвать взгляд. Буквы двоились, расплывались в темноте прихожей, прожигая сетчатку.

Он медленно повернул голову.

В полумраке, освещенная только бледным прямоугольником экрана, Надя лежала на боку, уткнувшись лицом в ворс ковра. Ее рука была вытянута вперед, словно она всё еще пыталась дотянуться до своей сумки. Или до него.

Глава 3. Семья

Часть I. ПреступлениеГлава 3. Семья

Двор пятиэтажки на улице Адмирала Сизова встретил Сергея привычной, глухой темнотой. Фонарь над третьим подъездом снова не горел — ЖЭК обещал заменить патрон еще в сентябре, но Светлана так и продолжала светить себе под ноги экраном мобильного, возвращаясь из музыкальной школы, где вела класс фортепиано.

Сергей заглушил мотор. В салоне пахло остывающим кожным заменителем и дождем. Он нащупал на воротнике рубашки то самое место — жесткое, слипшееся пятнышко крови под лацканом кителя. Идти на корабль в таком виде было безумием. На причале дежурили вахтенные офицеры, в кают-компании до самого утра толпились механики, а старпом Лебедев обладал собачьим нюхом на любые нарушения формы.

Нужно было переодеться, взять запасной комплект повседневного платья и закрыть вопрос со своим внезапным появлением дома.

Он поднялся на третий этаж пешком, не вызывая гремящий лифт. Ключ в замке повернулся с мягким, смазанным щелчком — на прошлой неделе он лично залил в личинку машинное масло. В квартире было тепло, тихо и пахло жареной картошкой с луком — этим вечным, неистребимым запахом гарнизонного быта.

Сергей стянул куртку, тщательно пряча воротник внутрь, и повесил ее в шкаф-купе.

Из кухни вышла Светлана. На ней был темно-бордовый домашний халат на пуговицах, на ногах — мягкие войлочные тапочки. Русые волосы, уже тронутые редкой сухой сединой у висков, были собраны в аккуратный хвост. Она держала в руках кухонное полотенце, вытирая тонкие, побелевшие от воды пальцы музыкантши.

— Ты же сказал, что остаешься на причале, — произнесла она без упрека, констатируя факт. Ее негромкий, чуть глуховатый голос заставил Сергея внутренне сжаться.

— Удалось вырваться на сорок минут, — Сергей не разувался, оставаясь в прихожей на коврике. — Механики возятся с насосом охлаждения, комбриг уехал в штаб флота. Решил переодеться в сухое. Под дождем промок до нитки, пока обходил пирсы.

Светлана остановилась в двух шагах. Она не подошла ближе, не потянулась поцеловать его в щеку — этот ритуал исчез из их жизни так давно, что Сергей уже не помнил, когда именно они перестали здороваться прикосновениями. Между ними стояло пространство в полтора метра — невидимая полоса отчуждения, выработанная годами его походов, дежурств и обобщенной усталости.

— Чайник еще теплый, — сказала она, глядя куда-то в район его плеча. — Картошка на плите, под крышкой. Если будешь есть, грей сам, я посуду уже перемыла.

— Не буду, — ответил он слишком поспешно. При мысли о еде желудок скрутило спазмом. — Времени нет. Возьму форму и поеду.

Дверь детской скрипнула, и в коридор высунулся Илья.

За последнее лето сын вытянулся почти вровень с отцом: нескладный, худой, с торчащими ключицами и узким упрямым подбородком. На нем была серая футболка с эмблемой рок-группы и старые спортивные штаны с вытянутыми коленями.

— Пап? Ты вернулся? — в глазах мальчика мелькнуло оживление.

— На полчаса, Илья, — Сергей попытался улыбнуться, но губы слушались плохо, натягиваясь на зубах безжизненной маской. — Выход сдвинули на утро. Заскочил за чистым бельем.

— А я велик в коридор затащил, — подросток кивнул на угол у входной двери, где стоял облепленный подсохшей грязью горный велосипед. — Ты же говорил, что поможешь цепь перебрать перед зимой. Завтра заморозки обещают, смазка загустеет.

Сергей почувствовал, как внутри поднимается волна слепой, бессмысленной ярости. Он стоял посреди собственной прихожей, еще чувствуя на пальцах фантомную липкость чужой крови, а сын говорил с ним о какой-то ржавой велосипедной цепи.

— Я разве не сказал матери по телефону, чтобы ты сам этим занялся? — голос Сергея прозвучал жестче, чем он планировал.

Илья моргнул, отступая на полшага назад. Взгляд его потух, сменившись знакомой подростковой настороженностью.

— Сказал. Просто там выжимка для цепи нужна, она в твоём ящике с инструментами на балконе. А ящик на ключ закрыт.

— Завтра возьмешь ключ на полке в прихожей! — оборвал Сергей, снимая фуражку и кладя ее на тумбу. — Илья, мне через шесть часов фрегат в море выводить! У меня боевая задача, понимаешь ты это или нет?! Хватит ныть из-за ерунды. Тебе пятнадцать лет, пора учиться решать свои проблемы без отца!

В коридоре повисла тяжелая пауза. Светлана медленно опустила полотенце. Она посмотрела на мужа долгим, внимательным взглядом, в котором промелькнуло что-то похожее на безглагольное удивление.

— Зачем ты кричишь на него? — тихо спросила она. — Он просто спросил про инструмент. Ты обещал три недели назад.

Сергей зажмурился, с силой надавив пальцами на веки. Перед глазами поплыли красные круги.

«Держи себя в руках. Ты офицер. Ты командир. Одно лишнее слово — и они почувствуют. Светлана не дура, она всё видит».

— Прости, — глухо выговорил он, опуская руку. — Прости, Илья. Нервы на пределе. В дивизии бардак, проверяющие из Североморска сидят на головах. Я устал.

Сын переступил с ноги на ногу, опустив глаза в пол.

— Ничего, пап. Я понимаю. Служба.

В этом коротком «Служба», произнесенном с благоговейным, почти детским уважением, было столько чистой веры в непогрешимость отца, что Сергея полоснуло под ребрами, словно штыком.

Илья поднял голову:

— Пап, я... я хотел сказать. Я сегодня в школе с военруком говорил. Насчет целевого направления в Нахимовское. Он сказал, если у тебя будет характеристика от командира соединения, документы пройдут без проблем на первом этапе. Медкомиссию я до декабря закрою.

Сергей замер. Воздух в прихожей показался ему раскаленным.

— В Нахимовское? — переспросил он, чувствуя, как немеет челюсть.

— Ну да, — Илья смущенно повел плечом, но в глазах снова затеплился упрямый огонек. — Мы же говорили летом. Ты сам сказал: флот — это мужское дело. Я на штурманский хочу. Как ты начинал. Чтобы на мостике стоять.

Мальчик смотрел на него снизу вверх — с той абсолютной, слепой гордостью, с какой сыновья смотрят на отцов-героев. На командиров боевых кораблей. На людей чести, чьи парадные кители пахнут ветром дальних походов, а не чужой гарнизонной кровью.

Если завтра военная прокуратура наденет на Сергея наручники — всё это рухнет в грязь в ту же секунду. Личное дело Ильи перечеркнут жирной черной чертой в первом же кабинете приемной комиссии. «Отец осужден по статье сто пятой». Сын убийцы. Клеймо на всю оставшуюся жизнь. Его не возьмут даже на гражданский флот, не пустят ни в одно приличное училище, друзья станут отводить глаза, а вчерашние сослуживцы отца будут переходить на другую сторону улицы при встрече.

«Я не имею права, — с чудовищной, холодной ясностью осознал Сергей. — Я не могу сломать парню жизнь. Из-за того, что Надя оступилась и упала на этот проклятый угол».

Он шагнул к сыну, положил тяжелую ладонь ему на худое плечо. Пальцы едва заметно подрагивали, но хватка была крепкой.

— Молодец, — сказал Сергей, и голос его впервые за вечер прозвучал почти естественно. — Хорошее решение. Вернусь из похода — лично зайду к комбригу за характеристикой. Подготовь пока выписку с оценками за прошлый год. Чтобы троек по физике не было.

— Нету троек, пап! — лицо Ильи озарилось широкой, открытой улыбкой. — Четверка твердая, я с репетитором подтяну!

— Вот и отлично. Иди спать, поздно уже.

Илья кивнул, бросил быстрый взгляд на мать и скрылся в своей комнате, тихо прикрыв дверь.

Сергей повернулся, чтобы пройти в спальню, но Светлана преградила ему путь. Она стояла в узком проходе, скрестив руки на груди, и смотрела на него в упор. Свет люстры падал ей на лицо, подчеркивая глубокие тени под глазами.

— Откуда у тебя это? — спросила она негромко.

— Что?

Она протянула руку и указала тонким пальцем на его правую скулу:

— Царапина. Свежая. И кожа содрана.

Сергей машинально коснулся щеки. Кончики пальцев обожгло касанием — след Надина ногтя, оставленный в ту секунду, когда она пыталась вырваться у плиты.

— Зацепил на причале, — бросил он, отводя глаза. — Швартовный трос отдавали с буксира, лопнул каболка, хлестнуло по лицу. Ерунда.

Светлана не опустила руку. Ее взгляд скользнул ниже — к его правой кисти.

— А костяшки почему сбиты? Тоже трос?

Сергей посмотрел на свою руку. Суставы пальцев были багровыми и припухшими — результат того слепого, яростного толчка в косяк и падения.

— Света, хватит допросов, — процедил он сквозь зубы, чувствуя, как внутри снова закипает глухое бешенство загнанного в угол зверя. — Я на боевом корабле служу, а не в библиотеке. Там железо кругом. Оступился на трапе в машинном отделении. Всё? Вопросы кончились?

Она помолчала несколько секунд. Ее губы сжались в тонкую, бескровную нитку.

— Ты врешь мне, Серёжа, — произнесла она спокойно, почти безразлично. — Ты всегда так говоришь, когда врешь. Голос понижаешь и в глаза не смотришь.

У Сергея перехватило дыхание.

— О чем ты?

— Ты сказал по телефону, что на складах проверяешь приемку. А сам пахнешь не мазутом. От тебя женскими духами пахнет. Сладкими. Как в кондитерской.

Сергей застыл.

Воздух застрял в легких. В памяти вспыхнула маленькая прихожая Нади: флакончик с притертой стеклянной пробкой на трюмо, миндальное мыло, ее свитер, прижатый к его кителю... Этот запах въелся в шерсть сукна, в его кожу, в волосы.

— Ты бредишь, — выдавил он, заставляя себя выдержать ее взгляд. — Это антисептик в медпункте. Фельдшер ссадину обрабатывал.

Светлана отступила в сторону, освобождая проход. Ее лицо стало совершенно чужим, застывшим, словно высеченным из серого пористого камня.

— Возьми форму в шкафу. Нижняя полка справа. Я всё выгладила еще вчера.

Она развернулась и ушла на кухню, не добавив больше ни слова. Через секунду оттуда донесся щелчок закрываемой дверцы шкафчика.

Сергей прошел в спальню и плотно прикрыл за собой дверь.

В комнате царил полумрак. На двуспальной кровати лежало тяжелое шерстяное покрывало. На туалетном столике Светланы стояли скромные баночки с кремом, расческа с выпавшими волосами и футляр для очков.

Он подошел к платяному шкафу, сдернул с себя форменную рубашку и кинул ее на пол. В свете уличного фонаря темное пятнышко на воротнике казалось почти черным. Он скомкал ткань, сунул ее на самое дно своего походного баула, завалив запасными тельняшками и шерстяными носками. Потом надел чистую, пахнущую лавандой рубашку, быстро застегнул пуговицы, затянул галстук.

Руки ходили ходуном.

«Она догадывается, — стучало в висках. — Светлана всё поняла про другую женщину. Если завтра ко мне придут следователи, она не станет меня защищать. Она сложит два и два за одну секунду: царапина, запах духов, ложь про склады».

Оставлять тело Нади в квартире было нельзя.

Хозяйка придет утром за ключами. Марина уже пишет сообщения, не получив ответа, она прибежит к девяти утра. Тело найдут до полудня. Следственная группа свяжется со штабом флота, фрегат остановят на выходе из Кольского залива приказом командующего, снимут командира прямо на ходу с пограничного катера...

Единственный шанс спасти всё — сделать так, чтобы тела не нашли. Ни завтра. Ни через неделю. Никогда.

Если нет тела — нет убийства. Есть просто пропавший без вести человек. Молодая женщина, которая собрала чемоданы, купила билет до Вологды, отдала ключи и... исчезла по дороге на вокзал. Мало ли что случается на темных улицах портового города? Загуляла, уехала с попуткой, сбегала в другой регион. Биллинг покажет, что ее телефон отключился где-то в районе залива.

А где спрятать тело так, чтобы его не нашла ни одна собака?

Сергей подошел к окну.

В полутора километрах от дома, за полосой серых пятиэтажек и сопок, мерцали огни военного порта. Там, у пятого причала, стоял его фрегат — семь с половиной тысяч тонн брони, стали, радиоэлектронного оборудования и сотен темных, глухих трюмных выгородок. Завтра этот стальной колосс выйдет в Баренцево море, где глубина под килем достигает трехсот метров ледяной, вечной тьмы.

Там, в глубине корпуса, есть аварийный отсек вспомогательного румпельного отделения. Доступ туда имеет только командир и старший механик по особому распоряжению. Ключ висит в каюте Сергея в сейфе.

Занести туда сумку ночью, под прикрытием предпоходовой суматохи, когда по трапам таскают ящики с провизией и запчастями, — риск, но риск просчитанный. Вахтенные у трапа не станут досматривать командира корабля. Ни один матрос не посмеет спросить капитана второго ранга, что лежит в его личном объемистом бауле для водолазного снаряжения.

А через сутки, когда корабль выйдет за пределы территориальных вод, в штормовую штормовую ночь...

На письменном столе возле окна стояла цветная фотография в простой деревянной рамке.

Снимок пятилетней давности: они втроем на набережной Севастополя во время его отпуска. Светлана еще улыбается, щурясь от южного солнца, ее рука лежит на плече маленького Ильи в матросской бескозырке. А сам Сергей — молодой капитан третьего ранга, подтянутый, с чистым, открытым лицом — держит сына за руку. Счастливая, образцовая семья морского офицера. Гордость флота.

Сергей взял рамку в руки.

Стекло было прохладным. Он вгляделся в лицо мальчика на фотографии, потом перевел взгляд на свое собственное отражение в темном оконном стекле.

Чудовище. Лжец.

Но внутри больше не было паники. Черная, ледяная решимость затопила сознание, вытесняя остатки жалости, вины и стыда.

Он посмотрел на улыбающегося сына на снимке и впервые за эту ночь подумал не о том, что он натворил в чужой квартире.

Он подумал: «Я сделаю всё, чтобы вы никогда об этом не узнали».

Глава 4. На борту

Густой, промозглый туман наползал со стороны Кольского залива, смешиваясь с серым дымом буксиров и въедливым запахом пережженной солярки. Огни пятого причала тонули в этой мути, превращаясь в размытые желтушные пятна, дрожащие на маслянистой ряби. Мелкая водяная пыль оседала на сукне шинели тяжелыми холодными каплями.

Было четыре утра. Самый глухой, мертвый час перед рассветом, когда человеческое тело отчаянно требует сна, а сознание цепляется за реальность с трудом, словно сквозь мокрую вату.

Сергей заглушил двигатель на офицерской стоянке у контрольно-пропускного пункта. В салоне стоял удушливый холод. Он сидел неподвижно минут пять, глядя, как по лобовому стеклу сползают струйки конденсата. Пальцы на руле заоченели, в висках молотом стучала кровь.

Багажник его внедорожника был забит до отказа: запасные чехлы, ящик с зимней резиной, ветошь и длинный, туго набитый баул из черного прорезиненного капрона — армейский водолазный мешок повышенной прочности, с усиленными ручками и двойным замком на молнии.

Когда он застегивал этот замок два часа назад на темной лестничной клетке чужого дома, пальцы срывались. Замок заело на середине, зубья заклинили ткань ее синего свитера. Ему пришлось рвать шерсть в темноте, задыхаясь от смрада собственного страха, прислушиваясь к каждому шороху за дверями соседей. Потом был спуск по ступеням — шаг за шагом, спиной вперед, удерживая неподъемную, валкую тяжесть, которая норовила выскользнуть, удариться о перила, издать звук.

Каждая мышца в пояснице теперь ныла тупой, рвущей болью.

Сергей вышел из машины. Воздух обжег легкие сыростью и солью. На КПП дежурил контрактник из комендантской роты — сонный, с красными от недосыпа глазами. Увидев погоны капитана второго ранга, он вытянулся в струнку, приложив руку к шапке:

— Здравия желаю, товарищ командир!

— Ворота открой, — бросил Сергей, не глядя на парня. — Машину к пирсу подгоню, снаряжение перебросить надо перед съемкой.

— Так ведь, товарищ капитан второго ранга, въезд личного транспорта только по спецпропускам на погрузку...

Сергей медленно повернул голову. Тень от козырька фуражки скрывала его глаза, но лицо, застывшее, словно высеченное из серого камня, заставило матроса осечься. Ссадина на скуле командира в свете тусклой лампы дежурки казалась черным шрамом.

— Ты меня учить будешь, боец? — голос Сергея прозвучал негромко, но с той вибрирующей, давящей силой, от которой у подчиненных холодело под ложечкой. — Через четыре часа фрегат снимается с бочек. У меня в машине специмущество по гидроакустике. Хочешь, чтобы я комбригу доложил, по чьей вине сорван предподходный регламент?

Матрос сглотнул, дернул кадыком и попятился к пульту:

— Никак нет, виноват! Проезжайте, товарищ командир!

Шлагбаум пополз вверх со скрежетом.

Сергей подогнал машину вплотную к трапу фрегата, скрыв багажник за массивной тумбой причального кнехта. Корабль нависал над пирсом громадной стальной скалой. Вдоль серого борта пульсировали шланги берегового питания, по палубе гулко разносились команды, где-то в районе бака гремели якорными цепями. Жизнь на фрегате уже кипела: из вентиляционных шахт вырывался горячий пар машинного отделения, пахло оружейной смазкой, краской и свежеевыпеченным хлебом из камбуза.

У сходней стоял вахтенный у трапа — молодой лейтенант в бронежилете, с автоматом на груди. Рядом переминался с ноги на ногу дежурный по низам.

Сергей открыл багажник. Запах сырого брезента и холодной резины ударил в нос. Он ухватился за широкие ляжки баула, рванул его на себя. Вес был чудовищным — не потому, что Надя была тяжелой, а потому, что мертвое тело не помогает тому, кто его несет. Оно перекатывалось внутри мешка бесформенным, податливым грузом, смещая центр тяжести.

Он взвалил ляжку на плечо, сжав зубы до крошева. Ноги в форменных ботинках едва не подогнулись.

— Товарищ командир! — лейтенант вскинул руку к пилотке, бросившись навстречу. — Давайте помогу! Тяжело же! Эй, Васильев, подсоби командиру!

Дежурный матрос уже шагнул вперед, протягивая руки в брезентовых рукавицах к черному мешку.

— Назад! — рявкнул Сергей так, что лейтенант отшатнулся, ударившись плечом о леерную стойку.

Оба моряка замерли, испуганно глядя на командира. По лицу Сергея градом катил пот, заливая глаза, воротник чистой рубашки мгновенно промок.

— На посту стоять, как положено по уставу, — процедил он, тяжело переводя дыхание, чувствуя, как мешок сползает по спине, прижимаясь к его ребрам чем-то мягким и округлым. Голова. Это была ее голова. — Кто на ходовом?

— Старший помощник, товарищ капитан второго ранга, — отрапортовал побледневший лейтенант. — Принимает доклады от боевых частей по готовности к бою и походу.

— Продолжать дежурство. За мной не ходить.

Сергей шагнул на сходни. Деревянный настил прогнулся и заскрипел под двойной тяжестью. Каждый шаг давался с мучительным усилием: металл трапа был скользким от изморози, дыхание с хрипом вырывалось из груди белыми клубами пара.

Он нырнул в узкую палубную выгородку правого борта. Здесь горели тусклые дежурные плафоны аварийного освещения — ядовито-красные, заливающие узкие стальные коридоры зловещими тенями. За переборками вибрировали механизмы, гудел вспомогательный дизель-генератор, по трубам с шипением неслась забортная вода охлаждения.

Сергей шел вперед, низко опустив голову. В узких тамбурах пахло краской, фреоном и застоявшимся воздухом трюмов. Дважды навстречу попадались матросы аварийной партии в синих робах — они вжимались в переборки, вытягиваясь во фронт при виде командира, и Сергей лишь коротко кивал, не поднимая глаз, молясь про себя только об одном: чтобы ляжка проклятого баула не лопнула прямо сейчас, вывалив на рифленую сталь палубы холодное, очо-ченевшее содержимое.

Вниз. По вертикальному стальному трапу, цепляясь одной рукой за скоб-трап, сдирая кожу на ладони, прижимая мешок локтем к телу.

Второй ярус трюма. Сюда почти не доходили звуки верхней палубы. Здесь было сыро, пахло машинным маслом и конденсатом.

В самом конце узкого прохода, за выгородкой гиропоста, находилась тяжелая бронированная дверь со штурвалом задрайки. Аварийный отсек кабельных трасс и вспомогательного румпельного привода. Помещение консервировалось на время межпоходовых стоянок и проверялось механиками лишь раз в месяц.

Сергей достал из кармана плоский ключ с медной биркой, сорвал контрольную свинцовую пломбу, вставил ключ в замок. Замок щелкнул с гулким, эхом прокатившимся по трюму звуком. Он навалился на штурвал, провернул его на два оборота и толкнул тяжелую дверь от себя.

Темнота внутри пахла озоном, старой резиной и мертвым холодом нежилого железа.

Сергей втащил баул внутрь, перешагнул через высокий комингс и захлопнул за собой дверь. Включил подпалубный фонарь. Узкий луч выхватил переплетения толстых кабелей, гидравлические цилиндры и штабель запасных парусиновых чехлов в дальнем углу за шпангоутом.

Он опустил мешок на пол. Дно глухо стукнуло о металл.

Сергей прислонился лбом к холодной переборке, закрыл глаза и несколько минут просто хрипел, пытаясь наполнить сжавшиеся легкие воздухом. Руки тряслись мелкой, неуправляемой дрожью.

«Всё, — билась в голове отчаянная мысль. — Сюда никто не зайдет. До выхода в открытое море — четыре часа. Потом еще сутки хода до района сброса».

Он задвинул баул в узкую щель между двумя гидравлическими трубами и накрыл его сверху пыльной, задубевшей парусиной. Луч фонаря на секунду задержался на очертаниях мешка: темный бугор под брезентом выглядел как обычная связка запасных рукавов пожарной магистрали.

Сергей выключил фонарь, вышел, задраил дверь на все задрайки и повесил новую номерную пломбу из своего кармана.

Теперь оставалось стать прежним командиром.

В командирской каюте пахло казенным уютом: кожаным диваном, крепким остывшим чаем и полиролью письменного стола. На переборке мерно тикали штурманские часы в латунном корпусе.

Сергей стоял перед узким зеркалом над умывальником. Он уже успел сполоснуть лицо ледяной водой, сменить галстук и надеть парадно-выходную тужурку с золотыми пуговицами и планками орденов. Ссадину на скуле он заклеил узкой полоской телесного пластыря — в зеркале это выглядело как след от пореза безопасной бритвой. Глаза, правда, оставались воспаленными, налитыми тяжелой краснотой, но перед выходом в море такой вид никого не удивлял: бессонные ночи перед съемкой со швартовов были флотской нормой.

В дверь каюты коротко, по-уставному постучали.

— Войдите, — отозвался Сергей, убирая полотенце.

Дверь распахнулась, и в каюту шагнул капитан третьего ранга Андрей Лебедев.

Старпом был на четыре года моложе Сергея — сухощавый, подтянутый, с острым взглядом серых цепких глаз и привычкой держать руки за спиной. Офицер безупречной выучки, Лебедев знал корабль до последнего заклепочного шва и гордился тем, что в его вахтенном журнале никогда не бывало помарок.

— Здравия желаю, товарищ командир, — Лебедев положил на стол папку с планшетом. — Корабль к бою и походу приготовлен. Замечаний по боевым частям нет. Механики закончили продувку котлов, давление пара в магистралях рабочее. Буксиры «Тайфун» и «Шквал» подошли к пирсу, швартовные команды на баке и юте расписаны.

Сергей опустился в кресло за столом, положив тяжелые ладони на сукно столешницы.

— Что с гидрометеоцентром, Андрей?

— Прогноз подтверждается, — старпом слегка нахмурился. — На выходе из горла Белого моря встретим юго-западный ветер до двадцати пяти метров в секунду. Волна четыре-пять метров. К вечеру шторм усилится до шести баллов. Комбриг приказал закрепить всё по-штормовому еще до выхода из залива.

— Добро, — кивнул Сергей, стараясь не выдать дрожи в голосе. Шторм был ему на руку. В штормовую погоду верхняя палуба пустеет, а списать любую нештатную ситуацию за бортом становится в разы проще. — Руднев где?

— В коридоре ждет. Пришел с предпоходным медицинским докладом.

— Зови.

Лебедев приоткрыл дверь и сделал знак рукой. В каюту вошел майор медицинской службы Павел Руднев — невысокий, полноватый военврач с круглым добродушным лицом

и очками в тонкой металлической оправе. Руднев служил на фрегате второй год, экипаж его любил за отсутствие штабного занудства и легкую руку при уколах.

— Здравия желаю, Сергей Николаевич, — Руднев мягко улыбнулся, протягивая журнал освидетельствования. — Личный состав проверен. С признаками ОРВИ трое матросов из БЧ-5, изолированы в судовом лазарете, к несению ходовой вахты не привлекаются. Запасы медикаментов сто процентов.

Врач вдруг замолчал, внимательно вглядываясь в лицо командира поверх очков. Его цепкий профессиональный взгляд скользнул по заклеенной скуле, темным кругам под глазами Сергея и замер на его пальцах, нервно сжимавших край стола.

— Вы сами-то спали сегодня, товарищ командир? — спросил Руднев тихо, без уставного тона. — Давление бы вам померить перед мостиком. Вы серый весь. И щека... где это вы так?

Сергей дернул плечом, захлопывая медицинский журнал. Внутри вспыхнула холодная искра раздражения.

— Побрился неудачно, доктор. Спешил. А спать на пенсии будем. Все свободны. Через двадцать минут жду старпома на ходовом мостике.

Руднев на секунду задержал взгляд на лице командира, словно хотел добавить что-то важное, но лишь вздохнул и козырнул:

— Есть. Но в лазарет загляните, я вам хоть капель от давления накапаю.

Когда офицеры вышли, Сергей остался один.

Тишина каюты снова сомкнулась вокруг него, тяжелая и липкая. Он посмотрел на часы. До съемки оставалось сорок минут.

И тут непреодолимое, сводящее с ума наваждение охватило его. Мысль, похожая на зуд под кожей: «А если замок разошелся? Если она выпала из брезента на пол? Если пломбу сорвали?»

Он должен был увидеть это своими глазами. Еще раз. Убедиться, что железная дверь заперта, что тайна лежит во тьме трюма так, как он ее оставил.

Сергей вышел из каюты, натянув фуражку до самых бровей. В коридорах офицерского отсека было пусто — офицеры уже занимали свои боевые посты. Он быстро спустился по сходням в нижний коридор, миновал тамбур машинного отделения, где ревели турбовентиляторы, и снова спустился на второй ярус трюма.

Здесь было темно и холодно.

Пломба висела на месте. Тонкая свинцовая лепешка с четким оттиском его личного номера.

Сергей выдохнул, но пальцы уже сами потянулись к карману за ключом. Он не мог остановиться. Это было похоже на безумие, на болезненный морок, который требовал подтверждения.

Он срезал пломбу ножом, провернул штурвал и проскользнул в узкий кабельный отсек.

Щелкнул фонарь. Луч рассек холодный полумрак, уперся в штабель парусины.

Брезент лежал на месте.

Сергей сделал два шага вперед, присел на корточки и рывком откинул край ткани. Черный водолазный мешок был цел. Замок закрыт.

Но что-то было не так.

Сергей замер, вглядываясь в ткань мешка. Когда он бросил баул сюда сорок минут назад, верхняя часть — та, где находились голова и плечи, — лежала ровно, вдоль ребристого кабель-канала. Теперь же верхний край мешка был неестественно выгнут в сторону прохода.

Словно человек внутри пошевелился. Словно тяжелая голова, запрокинутая назад в момент падения, медленно повернулась вбок, упираясь лицом в плотный капрон.

Кровь застыла в жилах Сергея. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось в горле с такой силой, что в глазах потемнело.

— Надя? — сорвалось с его пересохших губ в темноту отсека.

Тишина. Только гул корабельных генераторов за двойной стальной переборкой.

Сергей протянул дрожащую руку, коснулся капрона. Под пальцами была мертвая, ледяная неподвижность застывающего тела. Никакого дыхания. Никакого движения.

«Вибрация корпуса, — судорожно подумал он, отдергивая руку, словно от раскаленного железа. — Запустили вспомогательные двигатели, пошла дрожь по шпангоутам, мешок осел... Просто осел под собственным весом».

Он торопливо набросил брезент обратно, выскочил в коридор, захлопнул бронедверь и провернул задрайки до упора. Руки были скользкими от холодного пота.

— Корабль, смирно! По местам стоять, со швартовов сниматься!

Голос старпома, усиленный палубной трансляцией, разнесся над заливом, отражаясь от скалистых сопок.

На ходовом мостике пахло озоном от радиолокационных экранов и свежим утренним ветром, врывавшимся через приоткрытую бортовую дверь. Впереди, сквозь панорамные бронестекла, открывалась серая гладь Кольского залива, подернутая мелкой белой пеной. Два буксира, натянув толстые швартовные канаты, медленно оттягивали нос фрегата от бетонной стенки пирса.

Сергей стоял на своем командирском месте у центрального иллюминатора, вцепившись пальцами в латунный поручень мостика.

Фрегат вздрогнул всем корпусом — под килем ожили главные газотурбинные двигатели. Глухая, мощная вибрация поднялась от самых глубин стального чрева корабля, прошла через палубы и отозвалась мелкой дрожью в подошвах его ботинок. Корабль оживал, превращаясь из неподвижной груды железа в боевой организм, подчиненный только его воле.

Пирс медленно пополз назад. На причальной стенке застыли маленькие серые фигурки провожающих: офицеры штаба, матросы швартовных команд, редкие женщины в платках.

Берег отпускал его. Город с его улицами, пятиэтажками, полицией, квартирой на втором этаже и проклятым разбитым полом оставался позади. Впереди лежали тысячи миль штормового моря и спасительная трехсотметровая глубина.

Сергей медленно перевел дыхание. Впервые за эти бесконечные сутки в груди появилось слабое подобие облегчения.

Он отдал команду рулевому:

— Курс ноль-сорок. Обе машины — малый вперед.

— Есть курс ноль-сорок! — звонко отозвался рулевой-сигнальщик.

В этот момент внизу, на третьем ярусе трюма, в узком полутемном коридоре возле задренного кабельного отсека, проходили двое матросов электротехнической группы. Один из них, старшина второй статьи с портативным тестером в руках, внезапно остановился, натянув наушники на шею.

— Слышь, Петь, — тихо позвал он напарника, кивая на глухую стальную дверь со свежей командирской пломбой.

— Чего встал? Нам еще на распредщит успеть надо до выхода из базы.

— погоди ты... — старшина прижал ухо к холодному металлу переборки. Лицо его вытянулось. — Ты слышал?

— Что там слышать? Кабели гудят под нагрузкой.

— Да нет же... — парень растерянно посмотрел на товарища. — Словно женщина кашлянула. Прямо там, внутри. Тихо так... как будто проснулась.

Глава 5. Глубина

К полуночи фрегат миновал остров Кильдин и вышел в открытые воды Баренцева моря.

Здесь береговой штиль окончательно сменился штормовым накатом. Длинная, тяжелая полярная волна шла с норд-веста, мерно и мощно раскачивая семитысячетонный корпус. Нос корабля с глухим ударом взрезал черную ледяную толщу, вздымая к самому ходовому мостику веера белой фосфоресцирующей пены. Металл корпуса постанывал на перегибах, где-то внизу мерно ухали многотонные гребные валы, а за бронированными стеклами рубки царила первобытная, беспросветная мгла, в которой тонули даже мачтовые огни.

Сергей стоял на командирском мостике у гирокомпаса уже четырнадцатый час подряд.

Ноги отяжелели и казались чужими, в поясице пульсировала тупая боль, оставшаяся после утреннего перетаскивания баула. Но страшнее физической усталости была пустота в голове: сознание работало рывками, цепляясь за приборы и команды с мучительным опозданием в доли секунды. В висках стоял тонкий, непрерывный звон, похожий на свист выходящего пара.

— Товарищ командир, пеленг на неопознанную цель — двести семьдесят пять, дистанция шестьдесят кабельтовых, — доложил вахтенный офицер радиотехнической боевой части.

Сергей моргнул, прогоняя мутную пленку перед глазами. Он посмотрел на круглый зеленый экран кругового обзора. Светящийся луч сканировал сектор, оставляя за собой бледный след.

— Рулевой, право на борт, — машинально бросил Сергей. — Курс сто девяносто.

На мостике на секунду повисла тишина. Рулевой замер, не трогая рукоять манипулятора, и растерянно оглянулся на старпома.

Лебедев, стоявший у штурманского стола с параллельной линейкой в руках, поднял голову. Его взгляд — острый, мгновенно оценивающий — впился в лицо командира.

— Товарищ командир, курс сто девяносто ведет нас напрямик на банку Северная, — негромко, почти шепотом произнес старпом, сделав шаг к Сергею. — Там осадка двадцать два метра при нашем киле в восемь с половиной, с учетом штормового провеса кормы рискуем зацепить грунт. Наш генеральный — триста сорок.

Сергей вздрогнул, словно его окатили ледяной водой. Мысли судорожно метнулись, пытаясь собрать рассыпающуюся сетку координат. Банка. Конечно, банка. Он перепутал четверти картушки. Чудовищная, непростительная для командира корабля ошибка, за которую курсанта выгнали бы с ходовой практики.

— Отставить, — выдавил он, чувствуя, как под воротником вскипает горячий пот. — Задумался о ночных стрельбах. Рулевому — держать триста сорок. Вахтенному офицеру — продолжать слежение за целью.

— Есть держать триста сорок, — с облегчением отозвался матрос.

Лебедев не отошел. Он остался стоять рядом, заложив руки за спину, глядя на Сергея в упор. В полумраке мостика, подсвеченном только тусклыми шкалами приборов, лицо старпома казалось выточенным из сухого дерева.

— Сергей Николаевич, вы на ногах больше суток, — тихо сказал Лебедев. — Сменитесь. До полигона еще шесть часов хода. Я постою до четырех утра, потом штурмана подниму. Ложитесь, вы же валитесь.

Сергей сжал латунный поручень так, что побелели суставы. Он хотел огрызнуться, напомнить старпому об субординации, но вовремя понял: Лебедев прав. Если он допустит еще одну такую оплошность при вахтенных матросах, слухи поползут по кораблю до рассвета. Командир теряет контроль. Командир не в себе.

А главное — именно сейчас, глубокой ночью, когда шторм разогнал волну до пяти метров, наступал единственный шанс.

— Хорошо, Андрей, — Сергей заставил себя разжать сведенные пальцы. — Принимай вахту. Особое внимание — за траверзом левого борта, там рыболовы могут без АИС идти. Я в каюту. Вызовешь по сигналу боевой тревоги в ноль шестьсот.

— Есть принять вахту, — Лебедев козырнул. — Отдыхайте, командир. Всё будет в штатном.

Сергей повернулся и заставил себя сойти с мостика твердым, размеренным шагом.

Внутренние коридоры корабля жили своей ночной жизнью: глухой скрип переборок на волне, протяжный вой вентиляционных каналов, запах жареной рыбы и сухарей, тянувшийся из камбуза. Большинство свободных от вахты спали в кубриках, зажатые в штормовых койках брезентовыми выгородками.

Сергей не пошел в каюту.

Миновав офицерский отсек, он свернул к центральному трапу и спустился во чрево фрегата. Второй ярус. Третий. Воздух здесь становился холоднее, пахло сыростью, машинным маслом и соленым железом. Одиночные аварийные плафоны горели тусклым карминовым светом, превращая длинные стальные коридоры в узкие артерии гигантского зверя.

Он добрался до кабельного отсека.

Сердце стучало в горле, сухо и болезненно. На двери висела свежая свинцовая пломба, которую он поставил утром. Сергей достал бокорезы, быстро перекусил проволоку и провернул задрайки. Металл скрипнул, отзываясь гулким эхом по пустому проходу.

В отсеке было темно. Сергей включил налобный фонарь с красным светофильтром — тусклый луч выхватил трубы гидравлики и темный парусиновый штабель в углу.

Он подошел, сорвал брезент.

Черный водолазный мешок лежал неподвижно. Никаких звуков. Никаких движений. Но стоило Сергею наклониться и взяться за лямки, как ледяная волна ужаса вновь прокатилась по спине: груз внутри казался неестественно тяжелым, словно за эти часы он налился свинцом.

Сергей стиснул зубы и поволок мешок к выходу.

План был безумен, но другого пути не существовало. На юте фрегата, в кормовой части под вертолетной площадкой, находился аварийный люк выброски плавучих якорей и буксировочного троса. В штормовую погоду выход на ют был категорически запрещен приказом по кораблю — леера там заливало сплошной волной, и любого человека могло смыть за борт в секунду. Именно поэтому там никого не было. Ни постов, ни вахтенных. Только ревущая бездна за кормой.

Каждый шаг по трапу вверх был пыткой. Сергей тащил мешок за ручки, перебирая ступени спиной вперед, обдирая локти о заклепки переборок. Баул цеплялся за комингсы, глухо ударялся о ступени — и при каждом ударе Сергею чудилось, что изнутри доносится сдавленный, еле слышный стон. Он замирал, вжимаясь в металл, прислушивался до рези в ушах, но слышал только свист вентиляторов да надсадный гул шторма за внешней обшивкой.

Наконец он толкнул тяжелую водонепроницаемую дверь, ведущую в кормовой тамбур юта.

Ледяной сквозняк ударил в лицо через щели резинового уплотнителя. Запах моря — дикий, горький, пахнувший водорослями и снегом — мгновенно вытеснил душный трюмный смрад.

Сергей накинул на себя штормовой шторм-костюм, висевший на переборке, застегнул карабин страховочного конца за поясной ремень. Открыл внешнюю дверь.

Шум океана обрушился на него, как взрыв.

Ночь за бортом кипела черной смолой. Фрегат шел узловым ходом, корма зарывалась в волну, и громадные валы с шипением прокатывались по стальному настилу юта, уходя в бур-

лящий кильватерный след. Ветер выбивал слезы из глаз, швырял в лицо пригоршни колючей соленой крупы. Под килем в этом районе глубина достигала трехсот двадцати метров. Черная ледяная могила, из которой нет возврата.

Сергей вытащил мешок наружу, на мокрый, скользкий металл.

Волна ударила по ногам выше колен, едва не сбив его с ног. Страховочный трос натянулся, звякнув карабином о леерную стойку. Сергей удержался, тяжело дыша, и подтащил баул к самому срезу кормы — к открытому штормовому клюзу, через который пенилась уходящая в темноту вода.

Оставалось одно движение. Перевалить через низкий фальшборт.

Сергей опустился на колени в ледяную воду, перехватил лямки баула поудобнее. Его пальцы коснулись плотного капрона в том месте, где под тканью угадывались плечи и голова.

И в этот миг, сквозь рев пятибалльного шторма, вой ветра и грохот винтов, его накрыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.